

В ПОМОЩЬ ХРИСТИАНИНУ

Н.Е. Пестов

Что такое нищета духа

САТИСЬ
Санкт-Петербург
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

Издательство «САТИСЬ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis-redakt@yandex.ru www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis-com@yandex.ru
Представительство в Москве:
8 916 332-55-45.
ул. Савеловская Линия, владение 35, строение 2.
Проезд до ст.м. «Дмитровская».

Подписано в печать 20.11.2009 г.
Формат 84x108/32. Печ. л. 1. Тираж 10 000 экз.
Зак. №111

ISBN 5-7868-0002-4

© Издательство «Сатись», 2009

НИЩЕТА ДУХА

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (Мф. 5, 3).

Чувство своего ничтожества носи в сердце своем (еп. Феофан Затворник).

К одному старцу однажды пришел его ученик и с большой радостью сообщил ему: «Отче, я достиг того, что когда я молюсь, то мысленными очами вижу всегда перед собой Господа».

«Не велико твое достижение, и напрасно ты так радуешься, — отвечал ему старец, — вот если бы ты стал видеть свои грехи, то это было бы для тебя великим приобретением».

То же утверждали и многие из великих святых.

Так св. Антоний Великий говорил: «Не великое дело — творить чудеса, не великое дело — видеть Ангелов; великое дело — видеть собственные грехи свои».

Один египетский инок сказал преподобному Сисою Великому: «Вижу, что во мне пребывает непрестанная память Божия». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя при Боге: велико увидеть себя ниже всей твари».

О том же говорит и прп. Варсонофий Великий: «Блажен ты, брат, если действительно ощущаешь, что имеешь грехи, ибо кто ощущает их, тот гнушается ими и всячески удаляется от них».

А прп. Исаак Сириянин пишет: «Восчувствовавший свой грех — выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых».

Так же пишет и о. Иоанн Сергиев (святой прав. Иоанн Кронштадтский. — прим. ред.): «Видеть свои грехи и их множество и во всей их гнусности — действительно есть дар Божий, подаваемый вследствие усердной молитвы».

К сожалению, нужно сказать, что этот дар Божий, даже среди христиан с внешней стороны благочестивых, встречается далеко не часто.

Как пишет о том о. Александр Ельчанинов: «Люди многие способны понять в жизни, многое тонко подмечают в чужой душе, но какое редкое, почти несуществующее явление, чтобы человек умел видеть самого себя. Тут самые зоркие глаза становятся слепы и пристрастны».

Мы бесконечно снисходительны ко всякому злу и безмерно преувеличиваем всякий проблеск добра в себе. Я не говорю уже о том, чтобы быть к себе строже, чем к другим (что, собственно, и требуется), но если бы мы приложили к себе хотя бы те же мерки, как к другим — и то как на многое это открыло бы нам глаза.

Но мы безнадежно не хотим этого, да и не умеем уже видеть себя, и так и живем в слепой успокоенности.

Слепота к своим грехам, не видение их — естественное состояние природы падшего человека.

Мы бессознательно утаиваем от себя наши грехи, забываем их, потому что так легче жить.

А наша духовная жизнь даже и не начиналась и не может начаться, пока мы не сойдем с этой ложной позиции».

Итак, лишь с возникновением у нас способности видеть свои грехи начинается просветление наших внутренних очей, начинается зарождение нищеты духа — основы нашего покаяния и спасения.

Как пишет П.В. Никольский: «Самые незначительные проступки и даже малейшие движения душевные, на которые и внимания не обращает мирской человек, в сознании строгого к себе христианина возрастают до степени преступлений, тогда как все его достоинства бывают ему невидимы, при созерцании вечной красоты нравственного идеала, осуществить который он призван».

Глубокая нищета духа может даже заменить у христианина телесные подвиги (поста, поклонов, длительных молитвословий), если христианин по немощи тела не способен к ним.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин: «Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в подвигах телесных, заменяет собой все телесные подвиги. Подвиги телесные без печали ума — то же, что и тело неодушевленное».

Нищета духовная есть совершенно ясное осознание своей греховности и глубины своего падения. Это чувство нищего, одетого в жалкое и грязное рубище, когда он видит рядом других в прекрасных и чистых одеждах. Вместе с тем это чувство своего бессилия, своей беспомощности, слабости и ограниченности.

Как говорит прп. Петр Дамаскин: «Нет ничего лучше, как знать свою немощь и неведение, и ничего хуже, как не знать этого. Когда ум начинает видеть свои согрешения как песок морской, лишь тогда начинается просвещение души и начинается ее выздоровление».

«Главное величие человека заключается в том, что он сознает себя жалким», — пишет Блез Паскаль. То же утверждает еп. Феофан Затворник: «Преуспеяние в духовной жизни означает все большим и большим сознанием своей негодности».

А прп. Варсонофий Великий заповедует своим ученикам: «Унижай себя день и ночь, понуждая себя ниже всякого человека увидеть. Это есть истинный путь, и кроме него нет другого желающему спастись».

Как пишет о. Иоанн С.: «Нищий есть тот, кто ничего своего не имеет, кто всего ожидает только от милосердия других: хлеба, крова, денег, одежды. А если кто имеет одежду, то ветхую, грязную, негодную... от всех он в пренебрежении.

Нищий духом признает себя духовным бедняком, всего ожидает от милосердия Божия: он убежден, что он не может ни помыслить, ни пожелать ничего доброго, если Бог не даст ему ни мысли благой, ни желания доброго; он считает себя грешнее всех, всегда себя укоряет и никого не осуждает. Он просит Спасителя просветить одеяние души его, он непрестанно прибегает под кров крыл Божиих; все свое состояние он считает Божиим дарованием».

Нищета духовная, однако, не должна вести к унынию, об этом так пишет митрополит Филарет Московский: «Чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и упасть духом, но чтобы оставлять надежду на себя, и через молитву о помощи переходить к надежде на Бога».

СУЩНОСТЬ СМИРЕНИЯ

Смирение есть одеяние Божества
(прп. Исаак Сириянин).

Простоте и смирению наиболее является Бог
(прп. Иоанн Лествичник).

На основе нищеты духа в христианине зарождается и начинает вырастать — как Божий дар — добродетель смирения.

Что такое смирение? Этот вопрос задавал многим духовным отцам св. Иоанн Лествичник, игумен горы Синайской.

И в ответ на этот вопрос св. Иоанн получил от отцов ряд определений смирения.

Один сказал: «Смирение состоит в постоянном забвении о своих добрых делах». Другой — «В признании себя из всех последним и всех более грешным». Третий — «В мысленном признании своей немощи и бессилия». Четвертый — «В чувстве души сокрушенной и отречения от собственной воли» и др.

Но ни одно из полученных определений не удовлетворило св. Иоанна, и он дал свое следующее решение этого вопроса: «Смирение есть неизменная благодать в душе, теми только именуемая, которые извели ее опытом. Это — неизреченное богатство, Божие именование и подавание».

По существу, св. Иоанн и сам не дал полного объяснения, в чем заключается смирение, но он указал, что по его мнению, этого нельзя сделать, поскольку оно является Божиим именованием.

Близко к этому определению и определение смирения, данное прп. Исааком Сириянином. Он пишет: «Смирение есть одеяние Божества: в него облеклось вочеловечившееся Слово и через него приобщилось нам в теле нашем.

И всякий, облеченный в смирение, уподобляется Нисшедшему с высоты Своей...

Смирение есть некая таинственная сила, которую по совершении всего Божественного бытия воспринимают совершенно святые. И не иначе, как только одним совершенным в добродетели сила эта дается силою благодати, поскольку они естеством могут принять ее по определению Божию: потому что добродетель эта заключает в себе все. Как тень следует за телом, так и милость Божия — за смирением».

Из других формулировок сущности смирения ниже приведем определение епископа Вениамина (Милова): «Смирение есть радостно-печальное самоуничижение души перед

Богом и людьми по благодати Святой Троицы, выражаемое мысленно — молитвою и зрением грехов своих, сердечно-сокрушенными чувствами, действительно — всецелою покорностью Божией воле и усердным служением людям ради Бога.

Смиранные удивительно смягчаются сердечно, имеют согретость души и теплоту любви ко всем людям без исключения по какому-то дару свыше».

Старец Силуан, видевший Господа еще при жизни, так пишет про смирение Христово: «Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она и сама смиряется до конца, и ничего так не желает, как смирения Христова; и сколько бы ни жила душа на земле, она все будет желать и искать это непостижимое смирение, которое невозможно забыть. Смирение есть великое благо, с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, и если не смиримся, то Бога не узрим. Смирение есть свет, в котором мы можем узреть свет Бога, как поется: “Во свете Твоем узрим свет”.

Смиренная душа, хотя бы Господь брал ее на небо каждый день и показывал всю небесную славу, в которой пребывает Он, и любовь Серафимов и Херувимов, и всех святых, — то и тогда, наученная опытом, будет говорить: “Ты, Господи, показываешь мне Свою славу, потому что Ты любишь создание Свое, но мне дай плач и силу благодарить Тебя. Тебе подобает слава на небе и на земле, а мне подобает плакать о грехах моих. Иначе не сохранишь благодать Святого Духа, которую дал Господь туне, по милости Своей”.

Господь много пожалел меня и дал мне разуметь, что всю жизнь надо плакать. Таков путь Господень.

В смирении Христовом и любовь есть, и мир, и кротость, и воздержание, и послушание, и долготерпение заключены в нем.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5, 5). И чем больше смиришь себя, тем больше получишь дар от Бога. И вот теперь пишу, жалея тех людей, которые, подобно мне, горделивы и потому страдают. Пишу, чтобы усилились в смирении и обрели покой в Боге. Так как мы страдаем только до тех пор, пока не смиримся, а как только смиримся, так конец скорбям, ибо Дух Божий за смирение извещает душу, что она спасена. За один смиренный помысел опять приходит благодать».

Бог в лице Иисуса Христа — второго Лица Святой Троицы — призывает нас учиться смирению от Него Самого: *Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 28—29).

Поскольку смирение есть свойство Христа, то вместе со смирением Он Сам вселяется в душу христианина, или смирение лишь тогда воцарится в душе, когда в ней «изобразится Христос» (см.: Гал. 4, 19).

Всеми святыми отцами смирение почитается как основа всех добродетелей. При наличии смирения в душе легко развиваются все другие добродетели. Но если нет смирения, то добродетель перестает быть добродетелью; святость переходит в прелесть; дела милосердия, подвиги поста, умерщвления плоти и т. д. совершаются из-за тщеславия и т. п.

Как говорит архиепископ Иоанн: «Смиренность духа человеческого есть не слабость, а необычайная сила человека». Эту истину подтверждает рассказ Тургенева «Живые мощи».

О том же пишет о. Александр Ельчанинов: «Как велика сила смирения! Как обессиливает отсутствие его! Если в проповеднике, ораторе чувствуется хоть тень самодовольства — это не только зачеркивает все его действительные достоинства, но и вооружает против него. Наоборот, смиренный, даже

при отсутствии большого ума, талантов, берет в плен все сердца.

Сущность гордости — замкнуться для Бога, сущность смирения — дать Богу жить в себе».

Вместе с тем, как пишет прп. Исаак Сириянин: «Смирение и без подвигов многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и подвиги бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Смирением соделай беззакония твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели; оно может сокрушить крепость многих грехов.

К приобретению смирения надо стремиться непрестанно. И если приобретаем его, то смирение соделает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения — напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание».

Об этом в истории Церкви имеется следующий рассказ. Одна христианка попала на необитаемый остров и там пробыла сорок лет в подвигах молитвы, поста и всяких лишений. С приставшим к острову кораблем она вернулась на материк. Найдя одного из великих старцев, она рассказала ему про свои пустынные подвиги.

Выслушав, старец спросил ее: «А можешь ли ты принимать поношения как благовония?» — «Нет, отче», — ответила смущенная подвижница. — «Тогда ты ничего не приобрела за все 40 лет твоих подвигов».

«Смирение и одно может ввести нас в Царствие Божие, хотя и медленно», — пишет и прп. Авва Дорофей.

В связи с этим утверждением П. Иванов пишет:

* Взято из его работы «Смирение во Христе» (прим. авт.).

«Силой, необходимой для совершения больших подвигов, обладает не всякий, а смирение может иметь каждый христианин. В этом смысле сказано об уподоблении в совершенстве Отцу Небесному. Ведь и Он беспредельно смиряет Себя, чтобы снизойти до нас, до каждого нашего дела.

Поэтому неправы те, которые думают, что христианский идеал недостижим, так как требует Божественного совершенства. Он требует совершенства смирения, а не совершенства дел, что было бы, действительно, невозможно».

При отсутствии же смирения даже дарования могут быть во вред христианину. Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин: «Дарование без искушений — погибель для приемлющих его. Если делаешь доброе дело пред Богом, и Он даст тебе дарование, умоли Его дать тебе познание или взять у тебя дарование, чтобы оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всех безвредно хранить богатство».

Имеется рассказ об одном из отцов, что он в течение семи лет просил Бога о некоем даре и ему он был дан. После этого он пошел к одному великому старцу и известил его о даре. Старец, услышав, опечалился, говоря: «Великий труд». И сказал ему: «Поди другие семь лет моли Бога, чтобы дар твой был отнят у тебя: он тебе не полезен». Пошедши, тот сделал так, пока дар не был отнят у него.

Прп. Антоний Великий говорил: «Если не будет в человеке крайнего смирения, смирения всем сердцем, всем умом, всею душою и телом, то он Царствия Божия не наследует».

Смирение ненавистно диаволу, как свойство Иисуса Христа, и он не выносит его, как и Крест Господень.

Про оптинского старца Макария имеется такой рассказ. В Оптину привезли бесноватого и пригласили к нему старца. Больной, не слышавший о старце никогда, стал беспокоиться и заговорил: «Макарий идет, Макарий идет». Как только вошел старец, больной бросился и ударил его по щеке. Старец

употребил против него сильнейшее оружие — смирение — и подставил другую щеку. Больной упал в оцепенении, долго лежал у ног старца, а потом встал совершенно здоровым, не помня о своем поступке.

Отсюда понятно, что прп. Исаак Сирийнин пишет: «Приближается ли смиренный к людям — и внимают ему, как Господу. И что говорю о людях? Даже демоны, при всей наглости и злобе своей, при всей высококовийности гордыни своей, приближаясь к нему, делаются как прах; вся злоба их теряет силу, разрушаются козни их, бедственными остаются злоухищрения их».

Духовным очам прп. Антония Великого были открыты все сети дьявола, которые он распростер над миром для уловления и соблазна ко греху людей.

Ужаснулся преподобный этому множеству соблазнов и спросил Бога: «Кто же избегает этих сетей?» — и услышал голос: «Смиренный избегает их — они даже и не прикасаются к нему».

Итак, наличие в человеке одного только смирения совершенно освобождает его от нападков и соблазнов и власти лукавого духа.

Глубокую характеристику значения для человека смирения дает игуменья Арсения (Усть-Медведицкого монастыря): «Смирение есть единственное состояние духа, через которое входят в человека все духовные дарования. Оно есть дверь, которая отворяет сердце и делает его способным к духовным ощущениям.

Смирение доставляет человеку невозмутимый покой, уму — мир, помыслам — немечтательность. Смирение есть сила, объемлющая сердце, отчуждающая его от всякого земного, дающая ему понятие о том ощущении вечной жизни, которое не может взойти на сердце плотского человека.

Смирение дает ему его первоначальную чистоту. Он ясно начинает видеть различие добра и зла, а в себе, всякому своему состоянию и движению душевному знает имя, как первозданный Адам нарекал имена животным по тем свойствам, которые усматривал в них. Смирением налагается печать безмолвия на все, что есть в человеке человеческого, и дух человека в этом безмолвии, предстоя Господу в молитве, внемлет Его вещаниям...

До ощущения сердцем смирения не может быть чистоты духовной молитвы.

Мир и радость — это плоды смирения. Вот пристань, где находили свой покой все добрые подвижники, все скорбящие душой, все жаждущие спасения. Не бойтесь потерять все для получения смирения.

Смирение — единственный выход и успокоение при всяком смущении и искушении. Только этою стезею приходит душа к истине все разрешающей, к теплоте врачующей. Если потеряешь эту стезю, то окружают душу мрак и теснота».

Как говорила игуменья Арсения ее старица — схимонахиня Ардалиона: «Смирение — это та земля, на которую зерно должно упасть, чтобы умереть, — умереть, чтобы жить во Христе и оплодотвориться духом.

Душа получает свое совершенство во Христе, а не в себе самой. Тогда радоваться будет душа своей немощи. И захочет ли такая душа показать себя чем-то великим пред людьми? Напротив, она хочет, чтобы все видели ее немощь, ее низость, ее убожество и ничтожество».

Вот как говорит о всех плодах смирения архиепископ Арсений: «Возлюби смирение, ибо посмотри, как оно велико. Смирение привлекает благодать Божию. Смирение убивает гнев и раздражительность. Смирение избавляет душу от всякой страсти и всякого искушения. Смирение дает возможность спокойно переносить скорби и несчастья. Смире-

ние облегчает самые тяжелые труды. Смирение возгревает молитвенный дар. Смирение предохраняет от нравственного падения и подвигает от падения тех, кто имели несчастье пасть.

Смирение ведет к покаянию. Смирение — это корень для духовного преуспеяния: оно воодушевляет к добродетели и умножает ее. Смирение располагает к себе людей. Смирение разрушает самомнение и бесовскую прелесть. Смирение порождает все дары Святого Духа: духовную опытность, мудрость, воздержание, терпение, любовь, благоразумие, обходительность, искренность, чистосердечие, милосердие. Смирение — путь к святости. Смирение наполняет душу радостью и покоем о Господе».

А Достоевский пишет: «Смирись... гордый человек... победишь себя, и усмиришь себя, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя».

ПРИЗНАКИ СМИРЕНИЯ

Через смирение входят в человека все духовные дарования (игумения Арсения).

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов): «Смирение — жизнь небесная на земле, благодатное, дивное видение величия Божия и бесчисленных благодеяний Божиих человеку; благодатное познание Искупителя, последование Ему в самоотвержении, видение погибельной бездны, в которую ниспал род человеческий — вот невидимые признаки смирения, вот первоначальные чертоги этой духовной палаты, созданной Богочеловеком.

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтобы отыскать все ее ветви, отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень многое.

Водимый смирением, чем более богатеет добродетелями и духовными дарованиями, тем делается скуднее, ничтожнее перед собственными взорами».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов: «Все добродетели ничто без смирения. Пример: фарисеи. Вся сумма добродетелей при отсутствии смирения — “кораблекрушение у пристани”. Признаки смиренных — не верить своим достоинствам, не знать даже о них (смиреномудрие), не осуждать, радоваться унижению. И им — блаженство на первой же ступени».

Когда надо дать оценку духовной высоты человека, надо прежде всего оценить степень его смирения.

Обычно по наличию смирения иноки различают великих подвижников — кто они: святые или находятся в прелести.

Так некогда отцы пустынники испытывали богоугодность прп. Симеона Столпника. Соблазняясь необычностью и новизной его подвига — стоянием на столпе — и боясь того, что этот подвиг прп. Симеон несет самовольно, отцы послали к нему свое решение: чтобы он сошел со столпа и последовал бы жизни других пустынников.

Вместе с тем посланным было сказано, что если прп. Симеон послушает их, т.е. проявит смирение, то они должны оставить его стоять на столпе.

Когда преподобный узнал о решении собора отцов пустынников, он тотчас же стал сходить со столпа.

Так наличие смирения засвидетельствовало богоугодность подвига преподобного.

Как и у всяких добродетелей, у смирения есть несколько ступеней.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что степень смирения человека можно видеть из отношения его к осуждению других.

Он пишет: «Один — каждый день судит других; другой — не судит других, но не осуждает и самого себя; третий — не заслуживает осуждения, всегда сам себя осуждает».

Архимандрит Иоанн говорит: «Иногда человек не хочет видеть чужих грехов, это доброе праведное состояние, но это еще не смирение. Смирение, это когда человек не может видеть чужих грехов. Слишком видит свои, слишком зрит перед собой Бога».

Последнее говорит о совершенном развитии смирения. Итак, смирение связано органически с постоянным укорением себя за все грехи, прегрешения, упущения, леность, нерадение, малодушие, маловерие, боязливость и все недолжные чувства, слова, мысли, дела и даже взгляды, в том числе самые малейшие проявления раздражительности и осуждения.

Как пишет прп. Варсонофий Великий: «Признавший себя грешником и виновником многих зол, никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя».

Совершенное же смирение состоит в том, чтобы сносить укоризны и поношения и прочее, что сносил Учитель наш Господь Иисус».

О признаках полноты смирения пишет так и прп. Исаак Сириянин: «В смиренном нигде не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Ничего нет, что могло бы его изумить, привести в ужас, потому что ни в печалях не ужасается он и не изменяется, ни в веселии не приходит в удивление. Но все его веселие и радование в том, что угодно Владыке его».

Смиренный не смеет и Богу помолиться, или просить чего-либо, и не знает — о чем молиться, но только молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от Лица достопоклоняемого Величия... И осмеливается только так говорить и молиться: “По воле Твоей, Господи, да будет со мною”».

«Где глубокое смирение, там и слезы обильные, — говорит прп. Симеон Новый Богослов, — а где слезы, там и посещение Святого Духа. А в том, что начинает быть под действием Его, появляется всякая чистота и святость, и он видит Бога, и Бог призывает на него... Ведай, чадо, что Бог не благоволит так ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду и не являет Себя никому другому, как смиренной, непытливой и благой душе и сердцу».

Ряд признаков совершенного смирения указывает епископ Вениамин Милос: «На лице смиренного отблеск радости, незлобия и красоты. Он приветлив и ласков ко всем, неподражаемо прост и готов оказывать всякие услуги и уважение окружающим. Кротость смиренного часто похожа на детскую нежную наивность...»

Кроткая любовь невинного привлекает к смиренному сердцу окружающих. Все его взаимно любят, как ангела, улаживают его смиренномудрой беседой и радостно отвечают на его приветствия. К нему расположены даже своевольные люди за редкостное совмещение им в себе преизобильной любви, тихости, простоты и общедоступности.

Смиренный назидает окружающих с любовью, запрещает с тихостью и без конца долготерпит согрешающих в надежде на их исправление.

Благодаря обильному сиянию в душе смиренного невественного света благодати, он ясно видит всегда свои недостатки и грехи. Самоукорению его и снисходительности к другим нет меры.

Он оправдывает, извиняет немощи окружающих безгранично, а о себе говорит: «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь», как авва Сисой говорит: «Не знаю, начал ли я еще покаяние»; как преподобный Памва говорит: «Чувствую, что я еще не начинал служить Богу»; как прп. Силуан, ученик Пахомия Великого, говорит: «Я вижу неизменность моих грехов и готов отдать жизнь, только бы получить прощение».

Смиранные не терпят никакого отличия себя от других, во власти своей над другими видят только знак обязанности служить их спасению, ставят себя ниже подвластных во мнении о себе и обращении».

Как говорит старец Силуан со Старого Афона: «Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя, и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят. Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает Господа Духом Святым — какой Он смиренный и кроткий, — тогда видит себя хуже всех и рада сидеть на гноище, как Иов, в худых одеждах, а людей видеть в Духе Святом, сияющими и похожими на Христа».

Старец Силуан предупреждает при этом, что «благодать легко теряется и за тщеславие, и за один гордый помысел. Много можно поститься, много молиться и много делать добра, но если при этом будем тщеславиться, то будем подобны бубну, который гремит, а внутри пустой. Тщеславие опустошает душу, и много надо опыта, нужна долгая борьба, чтобы победить его... И теперь день и ночь прошу у Господа Христова смирения...

Борьба упорна, но только для гордых. Смиранным же легко благодати Святого Духа, даруемой смиренным от Господа, боятся наши враги, ибо она их опалает».

О признаках смирения так пишет и П. Иванов:

«Никто не должен делать свыше своих сил, это бесполезно. Но всегда должно быть недовольство своими делами. Постоянное сознание: мало, мало я делаю. Плох я, несовершенен.

Это сознание и есть наша непрерывность в стремлении к Богу. Беспредельное совершенствование. Не видения и не чудеса служат мерилом правильности, ибо видения и чудеса доступны также и демонам, — но смирение и послушание.

Самая основа праведности заключается именно в сознании себя ничем: все Бог, без Него я ничто. Чтобы удержаться с Богом, продолжать делать Божье дело, я должен смирять себя беспредельно.

Душа истинно христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел по ненасытному стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала; хотя бы изнурила тело свое постом и бдениями, при таких чувствованиях остается, будто бы не начала еще трудиться для добродетелей.

Где же предел этому правдивому смирению? Его нет. Нет такого состояния праведности, когда мог бы человек остановиться в приятном сознании достигнутых результатов. Сколько бы ни сделал, все-таки должно считать себя грешнее всех людей.

Всегда, как мытарь, а не как фарисей — никогда не обращать внимания на чужие грехи, а только на себя, на свои.

Смирение говорит: «Все, что имеешь — это от Бога, и все, что делаешь хорошего — это от Бога»; чем меньше будешь полагаться на свои силы (прося у Бога помощи), тем лучше. Христианский идеал — совершенный отказ от самого себя. Вручить себя, свою жизнь, всякое свое дело, каждую свою минуту Богу.

Не мы делаем, а Бог через нас делает — вот христианское осознание, выше какого нет».

Как пишет еп. Герман: «Смиранный ни с кем себя не сравнивает, всех видит лучше себя и ближе к Богу, себя же в некоторых отношениях считает хуже демонов».

СМИРЕННОМУДРИЕ И ПУТИ К ПРИОБРЕТЕНИЮ СМИРЕНИЯ

Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 28—29).

В писаниях святых отцов, кроме слова «смирение», встречается также слово «смиреномудрие». Есть ли между ними разница?

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов): «Смиреномудрие есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия, от Христа. Смирение есть сердечное чувство, есть залог сердечный, соответствующий смиреномудрию. По мере упражнения в смиреномудрии, душа приобретает смирение, потому что состояние сердца всегда зависит от мыслей, усвоившихся уму».

Отсюда будем считать, что «смиреномудрием» называют начальную стадию смирения — мудрость в том, чтобы искать смирения, состояние души, стремящейся к смирению, но еще не получившей его в полной мере как дар от Господа. Тот, кто хочет получить дар смирения, должен во всем подражать смиренным по закону от «внешнего к внутреннему». Тогда, при непрестанных и усиленных трудах, в смиреномудром будет возрастать и добродетель смирения.

Итак, христианину, чтобы приобрести смирение, надо понуждать себя к смирению в мыслях и чувствах, к самоуни-

чижению в действиях и к постоянной памяти о совершенных им в жизни грехах.

Необходимо начать с прохождения известной школы, как это нужно, например, для развития музыкального или художественного таланта или приобретения навыка в каком-либо искусстве или ремесле.

Тщательную заботу о развитии смирения среди своих братьев проявляют духовно-благоустроенные монастыри. Обычными средствами для развития смирения там являются следующие.

Вновь поступающим инокам вначале поручается наименее почетная, часто грязная, черная работа. Затем их приучают безропотно переносить публичные обличения и оскорбления, хотя бы они ни в чем не были виноваты. И если в ново-прибывшем можно заметить склонность ценить себя по причине какого-либо дарования, то стараются с корнем вытравить его самомнение.

Вот как, например, испытывалось и насаждалось смирение св. Иоанна Дамаскина, знаменитого творца церковных песнопений.

Первый вельможа Дамаска, Иоанн, пришел в обитель Саввы Освященного с просьбой принять его в иноки, когда по всему православному миру гремела о нем слава. О нем говорили как о ревностном защитнике Православия, получившем от Богоматери чудесное исцеление своей отрубленной руки, писавшей обличения иконоборцев.

Дар писателя и песнопевца был велик у Иоанна. Но иноки-старцы не этот дар хотели видеть во вновь пришедшем к ним брате. Они хотели видеть в нем прежде всего спасительное для всех смирение. Поэтому были закрыты уста песнотворца со строгим запрещением — ничего не творить. Вероятно, это испытание для Иоанна было наиболее трудным из всех, которые можно было придумать.

Однако Иоанн смирился и стал незаметным иноком обители. Много лет были закрыты уста Иоанна. Вот один из тех уроков, которые вели его к смирению.

Послушанием Иоанна было плетение корзин. Его старец велит ему взять корзины, снести в Дамаск и там продать их по цене, которая значительно превышала обычную. И вот соправитель дамасского князя стоит в убогом рубище на Дамасской площади и продает корзины. Но все, кто хочет купить их, справившись о цене, смеются над Иоанном.

Так долго стоял Иоанн под насмешками толпы, не смея нарушить приказание старца и сбавить цену, пока Господь Сам не послал избавление рабу Своему. Один из старых слуг Иоанна узнает его и, желая избавить его от насмешек и поношения толпы, покупает все корзины по назначенной цене.

Затем Иоанн тяжело провинился перед своим старцем. Один из братьев попросил его облегчить его скорбь об умершем родном брате и сложить для него умиленную надгробную песнь. Так появился ряд погребальных песнопений, которые и ныне поются в церкви. Узнав об ослушании Иоанна, старец сильно разгневался, отлучил его от общения с собой и выгнал из келлии.

В горе ищет Иоанн заступничество у отцов Лавры. На просьбы последних сжалиться над Иоанном старец налагает на него епитимью — очистить все смрадные места Лавры. Ужаснулись отцы суровости наказания и не смеют передать о нем Иоанну: как рука Иоанна, исцеленная Богоматерью и слагающая Божественные песнопения, будет выполнять такую грязную работу?

Но Иоанн упрямится и просит его сказать ему решение старца. Когда Иоанн узнал о нем, то, к удивлению старцев, весьма возрадовался и немедленно пошел выполнять приказание старца.

Узнав о смирении ученика, старец прощает Иоанна. После этого, по повелению Богоматери, явившейся старцу в видении, открываются уста Иоанна, и остаток своих дней он посвящает творению церковных песнопений и духовных сочинений.

Здесь уместно вспомнить, что по свидетельству игумена Антония Оптинского, преодолению его гордости и исправлению характера много способствовали послушания — очищение отхожих мест и собирание навоза по дорогам для удобрения огородов.

Вот еще рассказ св. Иоанна Лествичника о том, как старцы насаждали смирение в тех, кто в миру были сильно подвержены гордости.

Рука Господня касается сердца градоправителя Александрии — жестокого и надменного Исидора. Исидор идет в монастырь с просьбой принять его в иноки. Игумен, зная гордость Исидора, назначает ему суровое и тяжкое послушание: быть привратником, стоять у ворот обители, кланяться в землю каждому входящему и выходящему из обители и говорить: «Помолись о мне, отец, я в падучей болезни».

Исидор принимает послушание и в семь лет достигает полного смирения и очищения души.

Вот как рассказывает сам Исидор о постепенном размягчении его сердца и развитии смирения: «Вначале я рассуждал, что продан за грехи мои, и потому со всей горестью, с принуждением, как бы с пролитием крови, делал поклон. По прошествии же года, сердце мое не чувствовало уже скорби, ожидая от Самого Бога награды за терпение.

А когда минул еще один год, тогда уже с сердечным чувством стал я почитать себя недостойным и пребывания в обители, и лицезрения отцов, и встречи с ними, и причащения Святых Таин и не смел смотреть в лицо кому-либо... И

тогда уже искренно испрашивал молитв у входящих и выходящих».

Как развить в себе смирение, живя в миру, где нет таких школ, как монастыри, насаждающие смирение, и где последнее совсем не пользуется таким уважением, как в монастырях?

Господь призвал нас учиться смирению у Него Самого: *Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 28—29).

Господь указал нам следующий путь ко смирению: *Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место.*

Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя сказал: друг, пересядь выше. Тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою. Ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 14, 8—11).

Итак, Господь заповедовал нам смирать себя во всех случаях жизни и перед всяким человеком — всякого почитать высшим себя.

Если даже мы видим кого-либо из ближних в чем-либо недостаточным, то и тогда мы от всего сердца можем почитать его высшим себя, думая так: «Может быть, на данное ему малое число талантов он все же принесет сколько-то новых, а я на большее число ничего еще не принес».

Господь повелел нам всем быть слугою, смирая себя пред всеми (см.: Мф. 20, 26). И Он не только говорил об этом, но и Сам подал пример этому, когда *встал с вечери, снял [с Себя] верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. По-*

том влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем (Ин. 13, 4—5).

А эту обязанность — умывать гостям ноги — на востоке обычно исполняли самые младшие из слуг.

И если посмотреть на истинных учеников Христовых — святых и подвижников, то все они старались не допускать других служить себе, стараясь во всех домашних делах сами обслуживать себя.

Так св. Иулиания Лазаревская, будучи женой воеводы и имея много слуг, не только не позволяла им обслуживать себя, но сама ухаживала за больными слугами. Святые вообще старались не упускать случая, когда они могли бы смирить себя и в чем-то послужить ближним, предпочитая при этом простую черную работу, которая всегда смиряет душу человека.

Прп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят: «Люби особенно искушающих тебя: если вникнешь, то найдешь, что они-то и приводят нас к преуспеянию».

А прп. Никодим Святогорец пишет: «Люби слушать Божественные словеса, священные песни и псалмы и все, что честно, свято, премудро и душеполезно. Но особенно же люби слушать поношения и укоры, когда кто осыпает тебя ими».

Поэтому будем бегать, бояться и отвращаться от тех, кто хвалит, льстит и почитает нас, и вместе с тем будем стараться подражать той мудрой женщине, о которой так рассказывается в житии св. Афанасия Великого.

К нему пришла одна почтенная гражданка города Александрии и обратилась со следующей просьбой. Ей хотелось бы взять на свое попечение и заботу какую-либо немощную старушку из числа тех, которые были в ведении святителя.

Св. Афанасий благословил ее благое намерение и велел смотрительнице богадельни выбрать старушку кроткого и тихого нрава.

Несколько времени спустя благотворительница снова пришла к святителю. «Довольна ли ты той старицей, которую выделили на твое попечение?» — спросил ее святитель.

«Нет, Владыко, — откровенно отвечала женщина, — я намереваюсь упокоить какую-либо старицу, а моя старица сама себя покоит».

«Ну, тогда я пришлю другую», — отвечал святитель, понявший высокие духовные запросы просительницы.

И велел он смотрительнице выбрать самую сварливую и злую старуху из своей богадельни и послать ее к женщине.

Эта старуха подчас была свою благодетельницу.

«Довольна ли ты теперь своей старицей?» — вновь спросил ее св. Афанасий через некоторое время.

«Да, Владыко, очень довольна, я получаю от нее большую духовную пользу».

Будем же и мы искать тех, кто помог бы нам смирять себя и вытравлять у нас нашу гордость.

Вместе с тем будем пользоваться каждым случаем, чтобы смирить свою гордость перед людьми, когда Господу будет угодно давать нам такие случаи. Пример этого дает нам прародец Господа — царь и пророк Давид.

Когда Давид был свержен с престола и изгнан сыном Авессаломом, он встретился на пути с одним человеком из рода Саула по имени Семей. Семей стал бросать в него камни и злословить, называя «убийцей, беззаконником и кровопийцей».

Сопровождавшие царя приближенные просили разрешения у Давида убить Семей за его оскорбления. Но Давид им ответил: *Что мне и вам, сыны Саруины? Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида* (2 Цар. 16, 10).

Так принял Давид унижение от человека, считая его как посланного ему в наказание за грех от Самого Господа.

* * *

Господь сказал в одном из Своих откровений прп. Симеону Новому Богослову: «Ты — созданный Мною нагим, кроме произволения своего, что другое имеешь ты или имел когда-либо собственного твоего, что Я принял от тебя то?»

Действительно — чем нам гордиться? Что мы имеем, чего не получили от Бога? Все способности, дарования, таланты, вся возможность их развития и применения — все идет от Творца и Промыслителя. Если помогаем другим, то ведь избыток посылается нам от Бога; трудимся — но силы и крепость даются только Богом; молимся по вере, но вера опять-таки даруется Богом и т.д. (см.: Еф. 2, 8—9).

Если бы даже что-либо и было совершено нами доброго, то мы не знаем, не погубили ли мы это доброе нашими страстями и погрешностями; дела милосердия — тщеславием и гордостью; служение ближним — их осуждением; молитву — рассеянностью и небрежностью; пост — самолюбованием и самодовольством и т.п.

Поэтому нам никогда не надо обольщаться тем, что мы сделали или делаем что-то доброе, помня слова Господа Своим ученикам: *Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10).

Вспомним здесь и смиренные слова Божественного ап. Павла: *Я более всех их потрудился; не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10).

«Не верь себе, пока находишься в теле сем, — говорил Антоний Великий, — и ничего своего не считай вполне угодным Богу».

В итоге, каждый христианин должен вычеркнуть из своей памяти все то, что кажется ему добрым из совершенного им в жизни и почитать себя еще ничего не достигшим. И если нужна нам надежда на спасение, чтобы не впасть в отчаяние,

то эта надежда должна основываться более всего на Искупительной Жертве Христа, кровию Своей омывшего грехи всего мира, и на Божием милосердии.

Это, конечно, не исключает необходимости наших усилий, чтобы усердным исполнением Господних заповедей снизкать это Божие милосердие, так нам необходимое.

Всем талантливым, способным, сильным и богатым надо не столько гордиться, сколько страшиться ответа перед Богом за надлежащее использование данных им многих талантов; ведь *от всякого, кому дано много, много и потребуется* (Лк. 12, 48).

Архиепископ Антоний (Храповицкий) пишет: «Насколько христианин просвещеннее в духовной жизни, настолько глубже и яснее сознает свою собственную греховную слабость».

Для приобретения смирения надо также помнить о грехах своих, совершенных в течение всей своей жизни.

Смирению способствует и память смертная. Оно приобретает также подвигами уничтожения себя перед другими, как, например, первым делать поклон при встрече, уступать всем без спроса; молчаливо терпеть обиды и замечания; первым просить прощения, быть скромным и во всем обиходе жизни безропотно терпеть скорби и, как говорит старец Силуан, «считать себя хуже всех».

Смирение в мыслях и перед людьми часто несет христианину и благодатное внутреннее утешение.

Вот как пишет об этом еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Однажды ставил я блюдо с пищею на последний стол, за которым сидели послушники, и мыслию говорил: "Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение". Внезапно в грудь мою впало такое утешение, что я даже пошатнулся; утешение продолжалось многие дни, около месяца.

Другой раз случилось зайти в просфорню; не знаю с чего, по какому-то влечению, я поклонился братьям, трудившимся в просфорне, очень низко, — и внезапно так воздействовала во мне молитва, что я поспешил уйти в келлию и лег на постель по причине слабости, произведенной во всем теле молитвенным действием».

При оскорблениях не надо повторять в памяти и помнить оскорбительных и резких слов. При неприязни к кому-либо надо принуждать себя делать ему что-то доброе.

* * *

Одним из способов, служащих к приобретению нами смирения, является также скромность в одежде. Святые не любили и не одевали дорогих и нарядных одежд (за исключением того, когда этого требовал сан). Они помнили, что Господь не одобрял тех, кто любил носить «мягкие одежды» (Мф. 11, 8). Поэтому все они предпочитали самые простые и грубые одежды.

Про прп. Феодосия Печерского и Сергия Радонежского имеются рассказы о том, что, благодаря бедности их одежд, их нельзя было отличить от прочих иноков. Вновь пришедшие в монастырь простолюдины не верили тому, что видят перед собой тех знаменитых игуменов, перед которыми преклонялись и которых высоко чтит самые великие князья.

Скромность во всем, стремление быть незаметными, скрывать свои подвиги и ничем не отличаться от окружающих являются вообще верным признаком высокой степени смирения. Вот как пишет об этом П. Иванов: «В примерах святой жизни на первый план выдвигается не высота подвига, а то смирение праведника, с которым он совершает свое дело: незаметность, умаление себя.

О многом, что делали праведники, мы не знаем, но всегда знаем, что они были людьми прячущимися, скрывающимися

все свои дела, убегающими от людской молвы. Напоказ они ничего не делали.

И жития свв. отцов составлялись случайно; только то становилось известно, что Господь как бы насильно, помимо их желания, через других людей открывал из их подвигов.

Жизнь праведника никогда не была известна в подробностях. О некоторых святых мы даже не знаем ничего, кроме того, что они имели блаженную кончину.

Величайшие дела совершаются как бы "с глаза на глаз" с Богом. Человек словно не помнит того, что сделал. Встретил, положим, в большой толпе расслабленного, исцелил его и тотчас затерялся в толпе и сам потерял из памяти свое чудо».

То, чего достиг подвижник и что он может, знает один Бог, и святой страшится выдать эту свою высоту перед кем-либо. Вот что читаем в Патерике — сборнике событий и изречений христианских подвижников:

«Брат пришел к келье о. Арсения и посмотрел в окно, и увидел старца как бы огненным (он молился), и когда постучал брат, вышел старец и, увидев брата, в ужасе говорит ему: долго ли ты стучался и не видел ли чего? Тот сказал: нет. И успокоился старец».

Но не только скрывают свои дела святые угодники, но еще и принимают на себя поношения как заслуженные, и если кто обвиняет их, то не оправдываются. О таких непонятных уму житейского человека поступках существует много свидетельств.

Последними особенно богаты жизнеописания святых из юродивых. Они поистине были велики в своих подвигах, скрывая их под личиной юродства при стремлении стать ниже всех и свою духовную высоту скрыть за поношениями и бесчестиями от мира.

Поэтому одним из средств к приобретению смирения является знакомство с великими святыми. Изучение их жизни и

меры их подвига не может не смирить нас, показав нам наглядно нашу собственную духовную нищету. Поэтому духовное чтение есть одно из средств развития в нас смирения — основы добродетелей.

Одна праведница советовала еще так: «Просись (в молитве) к Богу лишь на черную работу, а Бог уж распорядится».

Поэтому пособиями к приобретению смирения являются, по указанию прп. Исаака Сириянина: «охотно принимать на себя дела самые последние и уничижающие, не быть непослушным, сохранять молчание, не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и ни во что не избираемым, не удерживать никакой вещи в полном собственном распоряжении, ненавидеть беседу с многими лицами... не быть таким человеком, которого руки были бы на всех, а на котором были бы руки всех».

В некоторых католических монастырях есть такой обычай: когда инок, пройдя известный курс духовных занятий оставляет группу братьев, в которую был включен для духовного обучения, то каждый из братьев обязан указать ему все недостатки, которые он замечал в нем.

О. Александр Ельчанинов дает и такие советы: «Самое радикальное средство от гордости — быть в послушании (родителям, друзьям, отцу духовному). Принуждать себя выслушивать и быть внимательным к чужому мнению. Не торопиться верить в истинность открытых тобою мыслей. Не умеющим видеть свои грехи рекомендуется обращать внимание — какие грехи видят в них близкие люди, в чем упрекают. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки».

Не будем же нерадивы и мы в старании получить благодать смирения. Оно необходимо нам прежде всего. Путь к нему нелегок при обычном наличии в нас гордости и тщеславия.

Для получения дара смирения необходимо, как говорилось уже выше, прежде всего терпеливое несение укоризны и обличений, и что еще лучше — перенесение досаждений, поношений, насмешек, брани. Тех людей, кто так относится к нам, будем считать нашими благодетелями и, подражая св. Андрею юродивому, будем молиться за них, чтобы Господь не вменил им в грех поношений и досаждений нам; ведь через последнее будет очищаться и наша душа от ржавчины на ней — гордости и тщеславия.

Как пишет прп. Петр Дамаскин: «В смиренномудрии, когда кто бывает оскорблен, — порицает и обвиняет только себя самого, а не другого кого-либо, и поэтому терпит».

Вместе с тем надо помнить, что, как говорит прп. Иоанн Лествичник, «отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости».

Идя этим «узким» путем вслед за Христом, мы можем надеяться получить одну из самых драгоценных жемчужин ожерелья добродетелей — красот души — благодать святого смирения. А со смирением в сердце наше войдет и Дух Святой со всеми плодами Своего пребывания — любовью, радостью, миром (см.: Гал. 5, 22) и всеми другими добродетелями.